

DOI 10.15826/qr.2019.1.364

УДК 94(470)"18"+929Александр(470)*2+316.422+316.653

В ПОИСКАХ НОВОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ПИСЬМА И ЗАПИСКИ К ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1850-х гг.*

Оксана Завьялова

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

IN SEARCH OF A NEW MODEL FOR RUSSIA'S MODERNISATION: LETTERS AND NOTES TO THE AUTHORITIES IN THE SECOND HALF OF THE 1850s**

Oksana Zavyalova

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Referring to the analysis of letters and notes written by representatives of the Russian public and addressed to the emperor and other representatives of the supreme authorities, the author considers one of the forms in which the government and society interacted during the preparation for the Great Reforms between the 1860s and 1870s. Theoretically and methodologically, the research is based on the historical and sociological theories of European sociologists and philosophers and approaches to the new intellectual history. These can help us comprehend the goals the Russian public sought to attain while creating their journalistic texts and letters and take into account the influence of sociocultural and political processes on their content. The second half of the 1850s was characterised by a rise in social consciousness and another stage in modernization. In this situation, letters and notes addressed to the authorities were an important means for expressing the public's reaction to the changes, turning them into an instrument of social "expertise" that

* Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16).

** *Citation:* Zavyalova, O. (2019). In Search of a New Model for Russia's Modernisation: Letters and Notes to the Authorities in the Second Half of the 1850s. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 85–97. DOI 10.15826/qr.2019.1.364.

Цитирование: Zavyalova O. In Search of a New Model for Russia's Modernisation: Letters and Notes to the Authorities in the Second Half of the 1850s // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 85–97. DOI 10.15826/qr.2019.1.364 / Завьялова О. В поисках новой модели модернизации России: письма и записки к власти во второй половине 1850-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 85–97. DOI 10.15826/qr.2019.1.364.

pointed out the need to alter the government's foreign and domestic policy. The first years of Emperor Alexander II's reign were characterised by unique conditions which made it possible for the Russian public to discuss the most relevant issues and let the authorities know about its perception of the changes, while the authorities were ready to listen to the public's opinion and take its suggestions into account when working on the ideological foundations of modernisation. Letters and notes addressed to the authorities testify to the expansion of public life in Russia and the formation of a new model of interaction between the authorities and the public as part of subject-to-subject relations. These were characterised by the need of both sides to take each other's interests into account in the context of reform.

Keywords: Russian Empire in the second half of the 19th century; Alexander II; Russian public; rise of social consciousness; public sphere; reforms; modernisation.

На основе анализа писем и записок, составленных представителями русской общественности и адресованных императору и другим высшим государственным деятелям Российской империи, рассматривается одна из форм взаимодействия власти и общества в период подготовки Великих реформ 1860–1870-х гг. Теоретико-методологическую основу исследования составляют историко-социологические теории европейских социологов и философов, методологические подходы новой интеллектуальной истории, которые позволили приблизиться к понимаю целей, преследовавшихся представителями русской общественности при создании своих публицистических сочинений и писем, а также учесть влияние социокультурных и политических процессов на их содержание. Во второй половине 1850-х гг. в условиях общественного подъема и запуска нового витка модернизационных преобразований письма и записки к власти получают широкое распространение, приобретая характер своеобразной общественной «экспертизы», указывая на необходимость корректировки внешне- и внутриполитического курса правительства. В первые годы царствования императора Александра II сложились уникальные условия для налаживания обратной связи между властью и образованным обществом, когда представители русской общественности получили возможность не только обсуждать, но и доводить до власти свое видение актуальных проблем, а власть была готова прислушиваться к общественному мнению и учитывать общественные преобразовательные предложения при разработке идейных основ правительственной политики модернизации. Письма и записки на имя государственных деятелей стали характерным свидетельством расширения публичной сферы в России и формирования новой модели взаимодействия власти и общества по линии субъект-субъектных отношений, что характеризовалось необходимостью как для общественности, так и для власти учитывать интересы и потребности друг друга в контексте преобразований.

Ключевые слова: Российская империя во второй половине XIX в.; Александр II; русская общественность; общественный подъем; публичная сфера; реформы; модернизация.

В середине XIX в. в России сложилась уникальная общественно-политическая ситуация, которая привела к изменению характера взаимоотношений власти и образованной части общества. В первые годы царствования императора Александра II русская общественность получила возможность не только обсуждать, но и доводить до власти свое видение актуальных проблем, а власть была готова прислушиваться к общественному мнению и учитывать общественные преобразовательные предложения при разработке модернизационных проектов. Современник событий известный ученый и общественный деятель Б. Н. Чичерин писал по этому поводу: «В России все совершенные преобразования созрели уже в общественном сознании; программы их были намечены в ходившей по рукам рукописной литературе... Для счастья России нашелся Государь, который... исполнил все то, что было предназначено общественной мыслью» [Чичерин, с. 11–12].

Высказывание Чичерина зафиксировало новую роль русского образованного общества. Из объекта воздействия и всесторонней административной опеки оно превращается в субъект, формирующий комплекс актуальных преобразовательных идей. Александру II пришлось отказаться от административно-командной модели отношений с образованным обществом времен Николая I, тормозившей решение важных внутривластных задач нового царствования. Взаимодействие приобретало характер *субъект-субъектных отношений*, отличающихся стремлением участников коммуникационного процесса учитывать интересы и потребности друг друга [Грачев, с. 78]. Появление многочисленных обращений представителей русской общественности различных идейных направлений к императору Александру II посредством писем и записок стало характерным явлением предреформенного десятилетия.

Письма и записки становятся одним из основных каналов коммуникации образованного общества и власти во второй половине 1850-х гг. Теория социокультурной модернизации позволяет, проанализировав изменения в сознании исследуемых объектов – власти и общества, зафиксировать смену ценностей и социальных установок, которые привели к осознанию необходимости совместных усилий властных и общественных структур в решении основных внутривластных проблем империи [Федотова, с. 47–48]. Коммуникативный подход изучения публичной сферы, разработанный Ю. Хабермасом, позволяет рассматривать отношения между властью и образованным обществом как социальное взаимодействие, в рамках которого происходит налаживание диалога, опосредованного персональными текстами [Habermas, p. 6–7]. При использовании концепции П. Бурдьё коммуникация власти и общества рассматривается как взаимодействие агентов из «поля политики» и литературного, философского, публицистического, академического и других социальных полей, в процессе чего происходит выработка совместных проектов перспективного общественного развития [Бурдьё, с. 37].

Частные письма и записки на имя императора и лиц, занимавших высокие государственные должности, представляли собой один из немногочисленных способов, позволявших донести до верховной власти отдельные общественные ожидания, настроения и мнения по актуальным внутривластным вопросам. С приходом к власти Александра II в 1855 г. тональность и основное содержание подобных писем приобретают острый общественно-политический характер. С их страниц открыто звучат призывы к корректировке внешне- и внутривластного курса, и в особенности к изменению сложившейся за годы николаевского царствования схемы взаимоотношений «власть – общество». Многие из этих писем заведомо создавались как открытые и имели публичный характер. Основные идеи и предложения, изложенные в них, представляют собой определенную модель преобразований, которая «вбрасывалась» интеллигентами в правительственные круги в надежде на то, что на ее основе власть сможет осуществить широкое обновление всех сторон государственной и общественной жизни, необходимое стране после поражения в Крымской войне.

В первые годы нового царствования представители общественности берут на себя роль экспертов, формулирующих рекомендации и советы для правительства, в которых под верноподданнической риторикой скрывались настойчивое ожидание перемен и стремление подтолкнуть к ним властные круги. Одной из попыток взять на себя такую роль стало творчество периода Крымской войны 1853–1856 гг. историка М. П. Погодина, в котором ярко и последовательно проявилось общее движение к преобразованиям. После восшествия на престол императора Александра II Погодин отправил ему несколько писем. В одном из них (апрель 1855) «смиранный труженик истории» желал монарху успешно «исправить всё, оказавшееся не согласным с пользами отечества», и «предпринять нужное для содействия счастью... подданных», которые встретили его «с такой любовью и такими надеждами». К этому письму Погодин приложил очерк под названием «Царское время», рассчитывая на то, что император сможет «рассмотреть тщательно вопрос важнейший в нашем государственном быту, вопрос о царском времени» [ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 45. Д. 61. Л. 1].

В очерке Погодин отмечает, что Николай I пал «жертвой царственного долга», не справившись со сложностью разросшегося механизма управления империей. Выход из сложившейся ситуации историк видел в решении нескольких задач: Государственный совет должен определить, какие вопросы могут быть решены другими ведомствами без нарушения прерогатив самодержавной власти. К тому же необходимо «определить, в какой степени может быть допущена гласность», призванная следить за добросовестным исполнением правительственных решений [Погодин, с. 313]. Эти меры позволят привлечь полезных людей к делам государственного управления и выявить различные злоупотребления властью.

Если письма Погодина представляли собой скромные и осторожные рекомендации, призванные укрепить власть в ее намерениях, то письма к Александру II А. И. Герцена, публиковавшиеся на страницах его заграничных изданий, изначально носили характер открытых публичных деклараций, проникнутых ожиданием преобразований, на необходимости которых русский мыслитель-эмигрант настаивал на протяжении многих лет.

Серия открытых писем Герцена к императору Александру II открывалась посланием от 11 марта 1855 г., которое было отправлено по почте и затем опубликовано в первом выпуске «Полярной звезды». Публицист возлагал на нового императора большие надежды. Призывая Александра II дать «свободу русскому слову», Герцен выражал настоятельную потребность общества выговориться, донести до верховной власти свое видение насущных проблем государственной жизни, пафосно добавляя, перефразируя латинское *Urbi et orbi*, что русской общественности «есть что сказать миру и своим» [Герцен, с. 13].

Адресатом обращений представителей общественности к власти мог выступать не только император, но и лица, имевшие к нему как официальный доступ, так и возможность оказать неформальное влияние. В марте 1855 г. писатель Н. А. Жеребцов вместе с сопроводительным письмом направил генерал-адъютанту С. А. Юрьевичу свою обширную программную записку под названием «О современной политической и внутренней жизни России», включавшую в себя комплексный план преобразований в стране [Жеребцов, с. 633–642].

Обращение писателя к отставному генерал-адъютанту, находящемуся на покое «доблестному старцу-слепцу», как его называет Жеребцов, не выглядит случайным, поскольку на протяжении 25 лет Юрьевич занимал должность помощника воспитателя и преподавателя цесаревича Александра Николаевича. За годы долгой службы Юрьевич сблизился с будущим императором и сохранил с ним доверительные отношения. В 1850 г. он почувствовал признаки ослабления зрения и, подав в отставку, практически безвыездно поселился на своей даче в Павловске [Юрьевич Семен Алексеевич, с. 340]. Но Жеребцов свои записки, теперь уже подаваемые на имя императора Александра II, продолжал отправлять Юрьевичу, считая его одним из надежных каналов, через которые существовала реальная возможность донести до императора соображения о состоянии дел в стране, касающиеся разных сторон государственной и общественной жизни.

В записке состояние русского общества после 18 февраля 1855 г. Жеребцов охарактеризовал как «всеобщую умственную тревогу», когда под тяжестью обстоятельств мыслящие люди стремятся «неухищренно» изложить перед императором свои убеждения [Жеребцов, с. 634]. Одной из «язв» политического устройства России автор считал «послабление духа законности», выразившееся в произволе, самоуправстве и непомерном росте самовластия среди некоторых первых деятелей правительства. Высокопоставленные чиновники идут на раз-

личные ухищрения, стараясь скрыть свое злоупотребление властью от государя. Подобное положение вещей в государственном управлении привело к «страшной порочности служебных нравов» и широкому распространению главной ее формы – взяточничества [Жеребцов, с. 639]. Выход из сложившейся ситуации он видел в строгом наблюдении за исполнением законов со стороны ближайшего окружения царя. Император же должен следить за уважением законов, обеспечить бережливость государственной казны и умалить роскошь, личным примером выразив стремление к простоте и отрицательное отношение к излишествах [Там же, с. 640]. Возможность исцелить перечисленные им внутриполитические проблемы России Жеребцов напрямую связывал с волей и словом государя. Но в то же время он подчеркивал право бескорыстных, честных верноподданных граждан указывать на существующие проблемы, обратить высочайшее внимание на них посредством живого слова и апелляции к власти¹.

Представители общественности использовали многочисленные неофициальные личные каналы, связывавшие их с представителями властных кругов. Именно таким путем была доставлена Александру II записка одного из теоретиков славянофильства, известного общественного деятеля К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» (1855). В ней мыслитель стремился донести до высочайшего лица свое видение сложившейся в 1850-е гг. кризисной ситуации в стране и предложить меры по ее урегулированию.

Помощь Аксакову в представлении записки императору оказала графиня А. Д. Блудова, поддерживавшая приятельские отношения со многими представителями славянофильства. Прогрессивные взгляды и круг общения графини, включавший членов императорской семьи, видных государственных и общественных деятелей, делали ее незаменимым лицом в выстраивании коммуникативного пространства между властью и обществом. Отцом графини был крупный государственный сановник граф Д. Н. Блудов, «человек просвещенный, любящий науку и литературу», также не чуждый передовых общественных веяний [Никитенко, т. 1, с. 320]. Прочитав записку Аксакова, содержащую в себе критику прежней правительственной политики и ряд требований к новому императору, граф решил сначала показать ее императрице Марии Александровне. К императору записка, составленная почти сразу после его вступления на престол, попала только осенью 1855 г. [Мельников, с. 102].

Обращаясь к историческим примерам, Аксаков убеждает императора, что в России существует давняя традиция налаживания диалоговой формы общения между властью и обществом, включающим представителей разных сословий, когда правительство

¹ На экземпляре письма имеется помета о том, что записка Жеребцова, прилагавшаяся к письму, была предоставлена лично 30 марта 1855 г. в 9 часов утра в Зимний дворец [ГАРФ. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159. Л. 1].

«вызывает мнение страны» при всяком удобном случае [Аксаков, с. 83]. Мыслитель считал, что свободное выражение общественного мнения позволит представителям власти понять, «чего желает страна, как понимает она свое значение, какие ее нравственные требования», которыми император Александр II может руководствоваться в проведении государственной политики [Там же].

По мнению Аксакова, в истинных русских народных началах нет революционности, и поэтому свободное развитие духовной жизни русского общества не приведет к попыткам свержения законной императорской власти. В этот период схожие мысли высказывал другой видный представитель славянофильства Ю. Ф. Самарин, призывавший правительство отказаться от увлечения «обманчивым сходством» и «заподозривать русское народное начало в революционном демократизме» [Самарин, с. 311].

Рассматривая современные ему отношения между правительством и народом, Аксаков находил их состояние совершенно неудовлетворительным. Политическая система, созданная за годы николаевского царствования, сковывавшая развитие общественной жизни в России, не только вела к унижению человеческого достоинства и к нравственной деградации личности, но и превращала особу государя в идола, что искажало истинную сущность самодержавной власти. Данная мысль в начале царствования Александра II высказывалась не только Аксаковым. Несколько позже, в 1857 г., об этом в «Колоколе» будет писать Н. П. Огарёв: «Нам пора перестать быть холопами», а правительству «перестать быть не правительством, а каким-то богдыханом» [Письмо к издателю, с. 5].

Выход из кризисной ситуации, предлагавшийся мыслителем, всецело находился в рамках славянофильской стратегии политического реформирования России, состоявшей в необходимости призыва правительством народного мнения в форме Земского собора [Цимбаев, с. 118]. Но при этом Аксаков понимал, что созыв Земского собора в условиях продолжавшейся Крымской войны невозможен. В качестве первичной тактической меры он предлагал созывать отдельные непериодические сословные собрания, призванные решать конкретные узкосословные или хозяйственные вопросы. Данные собрания могли бы стать своеобразным *институциональным источником общественного мнения*, донося необходимые власти сведения при разработке будущих преобразований [Аксаков, с. 94].

Стремление донести до власти свое видение направления развития страны на новом этапе ее истории охватывало и периферийную общественность. В январе 1857 г. на имя Александра II была представлена записка под названием «Задуманные думы». Ее автором являлся известный русский изобретатель и писатель С. И. Барановский. В этот период он занимал должность профессора русского языка в Гельсингфоргском университете, а с 1855 г. исполнял обязанности цензора [Барановский Степан Иванович, с. 33].

Как и многие другие авторы подобных посланий, ученый начинает записку с рассмотрения основных «бедствий» в государственном управлении России, особо подчеркивая при этом, что в настоящих условиях для блага страны необходимо только самодержавное управление. Однако в то же время «самодержавие невозможно без благоустроенного порядка», который, по мнению автора, в стране отсутствует. Власть самодержавного монарха в России, формально не ограниченная, фактически ограничена «самоволием и корыстной хитростью особ, которые злоупотребляют доверием к ним государя» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 78. Л. 2]. Укоренившееся в российской политической системе от самых низших до самых высших ее звеньев представление о том, что император может и должен лично следить за исполнением всех распоряжений, привело, по мнению Барановского, к «гибельным последствиям». Один справиться с нарастающим объемом государственных дел император не может, и он вынужден полагаться на своих докладчиков, которые зачастую поступают недобросовестно, и нередко «самая неудачная мера приводится в исполнение ко вреду многих» [Там же].

Указав на основные проблемы существующей политической системы, Барановский предлагал меры, способные их устранить и обеспечить «надлежащий порядок управления». Далее ученый в общих чертах излагает собственный проект реформирования государственного устройства России. Одна из основных идей Барановского состояла в необходимости «строгого разграничения трех родов власти – законодательной, исполнительной и судебной и надлежащего взаимного отношения их между собою, а также к государю и народу» [Там же. Л. 3]. Эта положение не только роднит идеи автора с представлением о «правильной монархии» М. М. Сперанского, но и подтверждает его приверженность идеалу конституционной монархии [Нарежный, с. 78], реализация которого отводилась ученым на далекое будущее.

Большое распространение в предреформенное десятилетие получили анонимные письма, адресованные представителям высшей российской власти. Авторы подобных писем позиционировали себя не столько как частные лица, стремящиеся донести до адресата собственные идеи и воззрения, сколько как *выразители совокупных интересов русского общества*. Анонимы были смелее в выражении своей позиции и позволяли себе открыто критиковать внутреннюю политику правительства, а также указывать на конкретные злоупотребления властей.

Одно из таких писем обличительного характера, написанное в 1856 г. на имя императора, с пометой «непреренно в собственные руки», имело подзаголовок «О вопиющих злоупотреблениях в Москве» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 75. Л. 1]. Автор писал о происходящих в Москве злонамеренных действиях московского военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского, о котором нелестно отзывались и другие со-

временники [Аксакова]. Критика представителей власти, обличение их злоупотреблений и незаконных махинаций стали в этот период одной из основных тем, циркулировавших в общественном мнении и составлявших компетенцию расширяющейся гласности в России.

Еще одно анонимное послание было отправлено императору из Москвы в октябре 1859 г. Обратиться напрямую к Александру II автора письма, по его словам, вынудило осознание крайней необходимости требовать от императора «решительных и обдуманых мер для прекращения хаоса в государственном управлении и происходящего от него повсеместного уныния» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 68. Л. 6]. Это было не первое письмо анонима к высочайшей особе. К нему было приложено другое письмо, написанное еще в 1848 г. и адресованное Николаю I. Опираясь на него, можно составить некоторое представление о типе личности, сословной и социальной принадлежности анонимного автора.

В письме к Николаю I общие проблемы развития России отходят на второй план. Аноним обратился к императору с личной просьбой исправить бедственное положение его семьи, глава которой, отец автора, остался без служебного места вследствие действия высочайшего повеления увольнять от службы всех находящихся под судом [Там же]. Из характера письма становится ясно, что сам аноним является, по всей видимости, мелким чиновником и получает небольшое жалование.

Находясь в бедственном материальном положении, аноним в письме к Александру II также отмечал повсеместную народную бедность. При этом он указывал на одну из причин народной нищеты, а именно – на «частые путешествия за границу особ императорского двора и особенно государыни, обогащающие иностранцев» [Там же Л. 8 об.]. Примечательно то, что в этом же будет упрекать членов императорской семьи спустя семь лет после написания этого анонимного письма А. И. Герцен в одной из своих статей [Августейшие путешественники, с. 8–9].

«Беспечное управление», сложившееся в России и охарактеризованное автором на страницах письма к Александру II, не может вывести страну из «безотрадного положения». Тем не менее, он особо подчеркивает, что его критика не направлена на самодержавную форму правления. По его мнению, главнейшими врагами прогресса являются министры и придворные, которые скрывают от императора «все дурное или показывают оное в радужном цвете» [Там же. Л. 5].

Автор предлагает императору несколько мер для выхода из сложившейся ситуации. Во-первых, «не терпеть льстецов и глупцов, выслушивать истину, хотя бы и неприятную, от кого бы ни было», и самому усерднее вникать в особенности общественной жизни, прислушиваться к «общественной молве», сближаясь с подданными. В таком случае монарху удастся найти среди них «мудрых и верных советников» вместо «неспособных и жестокосердных министров» [Там же. Л. 5–5 об.]. Во-вторых, восполнить недостаток умных и до-

бросовестных советников *расширением гласности*. Автор считает необходимым не только освещать злоупотребления, но и называть имена виновных вне зависимости от занимаемого ими положения. Императору же рекомендуется самому читать русские газеты, а обзор журнальных статей доверить «преданному пользам России» человеку, который бы занимался поиском и отбором для государя обличительных статей [ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 68. Л. 5]. В роли такого человека аноним выступил сам, перечислив некоторые современные статьи, поднимающие злободневные вопросы, на которые необходимо обратить внимание императору. Автор неоднократно указывал на усилившуюся в первые годы нового царствования роль периодической печати и литературы. Обращаясь к Александру II, он декларировал, что «без чтения русских газет и журналов ты всегда останешься в неведении о нуждах России» [Там же].

В конце 1850-х гг. письма на имя императора приобретают более резкий тон и характер обращения, критическую направленность, проявляющуюся, в частности, в повышенной эмоциональности, что обусловлено общим изменением общественных настроений в этот период. Подобные письма можно считать первыми довольно наивными попытками оказать моральное давление на власть. Несмотря на то, что письма к Александру II были написаны представителями разных идейных направлений, их объединяло общее стремление к совместной работе по подготовке преобразований и желание всяческого содействия власти на пути к ним.

В условиях роста интеллектуализма русского общества середины XIX в. эпистолярная коммуникативность играла значимую роль в выстраивании взаимодействия власти и общества. Многочисленные письма и записки, адресованные представителям власти, содержат не только характеристику кризисного положения России, но и предлагают ряд мер и средств, при помощи которых, по мнению их авторов, представлялось возможным преодолеть самую суть этого кризиса, а не просто совершить отдельные поправки «фасада» империи. При этом требование «духовной свободы», понимаемое как отсутствие препятствий для развития общественной жизни, призывы к расширению гласности, к обращению властей за помощью к общественному мнению занимали в них центральное место. Наряду с дворянской интеллигенцией, в процесс разработки общественной концепции преобразований включились образованные представители низших слоев, что с этого момента не только изменило социальный состав русской общественности, но и усилило ее значение в общественно-политической жизни страны в последующие периоды, заложив основы гражданской инициативы и самосознания. Сложная внешняя и внутренняя общественно-политическая обстановка, в которой к власти пришел Александр II, способствовала осознанию представителями власти невозможности «управлять по-старому», не прислушиваясь к гласу

общественности, без учета «вбрасываемых» ее представителями идей, которые будут учтены при разработке концепции реформ 1860–1870-х гг., оказывая влияние на политическую культуру российского самодержавия.

В то же время следует отметить, что представители русского образованного общества были не готовы возглавить модернизационный процесс в стране, сохраняя эту прерогативу за монархией. Большинство из них довольствовались теми немногочисленными послаблениями, которые были сделаны властью во второй половине 1850-х гг., что отразилось на содержании их обращений к императору и другим государственным деятелям. Несмотря на стремление к обновлению во всех сферах государственной и общественной жизни, охватившее русскую общественность, излагаемые в письмах и записках предложения носили скромный, порой верноподданнический характер и практически не затрагивали основы и тем более не ущемляли прерогативы самодержавной формы правления. Это свидетельствовало о сохранении в сознании большинства представителей общественности привычной модели первенства власти в деле реформирования страны.

Список литературы

Августейшие путешественники // Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева : Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон – Женева : в 11 вып. / предисл. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Факсимильное изд. Вып. 1. С. 8–9.

Аксакова В. С. Дневник В. С. Аксаковой (1854–1855) // Литература и жизнь [сайт]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 17.11.2018).

Аксаков К. С. Записка К. С. Аксакова «о внутреннем состоянии России» // Ранние славянофилы: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / сост. Н. Л. Бродский. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1910. С. 69–96.

Барановский Степан Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб. : Семен. типолит. (И. А. Ефрона), 1891. Т. 3. С. 33–34.

Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

ГАРФ. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159; Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68, 75, 78.

Герцен А. И. Письмо к императору Александру второму // Полярная звезда. 1855. № 1. С. 10–14.

Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М. : Прометей, 2004. 328 с.

Жеребцов Н. А. О современной политической и внутренней жизни России // Рус. старина. 1896. Т. 86. Вып. 5. С. 633–642.

Мельников И. И. Отражение проблемы развития государственности России в записке К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» // Евраз. юридич. журн. 2012. № 11 (54). С. 102–104.

Нарежный А. И. История конституционализма в России (проблемы политической модернизации): учеб. пособие. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009. 200 с.

Никитенко А. В. Записки и дневник : в 3 т. М. : Захаров, 2005. Т. 1. 640 с. ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 45. Д. 61.

Письмо к издателю // Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон – Женева : в 11 вып. / предисл. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Факсимильное изд. Вып. 1. С. 3–6.

Погодин М. П. Царское время // Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856. М. : Тип. В. М. Фриш, 1874. С. 310–313.

Самарин Ю. Ф. Православие и народность / отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 720 с.

Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М. : ИФ РАН, 1997. 255 с.

Цимбаев Н. И. Славянофильство : Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 272 с.

Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин : Г. Штейниц, 1900. 180 с.

Юрьевич Семен Алексеевич // Рус. биограф. словарь : в 25 т. / изд. под наблюдением предс. Императ. рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1912. Т. 24. С. 339–340.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere : An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / transl. by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge : Polity Press, 1989. 301 p.

References

Aksakov, K. S. (1910). Zapiska K. S. Aksakova “o vnutrennem sostoyanii Rossii” [Note of K. S. Aksakov *About the Internal State of Russia*]. In Brodsky, N. L. (Eds.). *Rannie slavyanofily: A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, K. S. i I. S. Aksakovy*. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina, pp. 69–96.

Aksakova, V. S. (N. d.). Dnevnik V. S. Aksakovo (1854–1855) [Diary of V. S. Aksakova (1854–1855)]. In *Literatura i zhizn'* [website]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (mode of access: 17.11.2018).

Avgusteishie puteshestvenniki [Royal Travellers]. (1962). In *Kolokol. Gazeta A. I. Gertsena i N. P. Ogareva: Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London, Zheneva v 11 vyp.* / preface by M. V. Nchkina and E. L. Rudnitskaya. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Facsimile. Iss. 1, pp. 8–9.

Baranovskii Stepan Ivanovich [Baranovsky Stepan Ivanovich]. (1891). In *E'ntsiiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona v 86 t.* St Petersburg, Semenovskaya tipolitografiya (I. A. Efrona). Vol. 3, pp. 33–34.

Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologiya politiki* [Political Sociology] / transl. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos. 336 p.

Chicherin, B. N. (1900). *Rossiya nakanune dvadtsatogo stoletiya* [Russia on the Eve of the Twentieth Century]. Berlin, H. Steinitz. 180 p.

Fedotova, V. G. (1997). *Modernizatsiya “drugoi” Evropy* [Modernisation of the ‘Other’ Europe]. Moscow, Institut filosofii RAN. 255 p.

GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 1132. List 1. Dos. 159; Stock 109. List 3a. Dos. 68, 75, 78.

Grachev, M. N. (2004). *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Development Vectors]. Moscow, Prometei. 328 p.

Habermas, J. (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / transl. by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge, Polity Press. 301 p.

Herzen, A. I. (1855). Pis'mo k imperatoru Aleksandru vtoromu [Letter to Emperor Alexander II]. In *Polyarnaya zvezda*. No. 1, pp. 10–14.

Mel'nikov, I. I. (2012). Otrazhenie problemy razvitiya gosudarstvennosti Rossii v zapiske K. S. Aksakova “O vnutrennem sostoyanii Rossii” [Reflection on the Problem

of the Development of the Statehood of Russia in a Note by K. S. Aksakov *On the Internal State of Russia*]. In *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. No. 11 (54), pp. 102–104.

Nareznyi, A. I. (2009). *Istoriya konstitutsionalizma v Rossii (problem politicheskoi modernizatsii): uchebnoe posobie* [The History of Constitutionalism in Russia (Problems of Political Modernisation): A Textbook]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 200 p.

Nikitenko, A. V. (2005). *Zapiski i dnevnik v 3 t.* [Notes and Diary. 3 Vols.]. Moscow, Zakharov. Vol. 1. 640 p.

OR RGB [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 231/I. List 45. Dos. 61.

Pis'mo k izdatelyu [Letter to the Publisher]. (1962). In *Kolokol. Gazeta A. I. Gertsena i N. P. Ogareva: Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London, Zheneva v 11 vyp.* / preface by M. V. Nechkina and E. L. Rudnitskaya. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Facsimile. Iss. 1, pp. 3–6.

Pogodin, M. P. (1874). *Tsarskoe vremya* [Tsarist Times]. In *Istoriko-politicheskie pis'ma i zapiski v prodolzhenie Krymskoi voiny*, 1853–1856. Moscow, Tipografiya V. M. Frish, pp. 310–313.

Samarin, Yu. F. (2008) *Pravoslavie i narodnost'* [Orthodoxy and Nationality] / ed. by O. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. 720 p.

Tsimbaev, N. I. (1986). *Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi my'sli XIX veka* [Slavophilism. From the History of Social and Political Thought of the 19th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 272 p.

Yur'evich Semen Alekseevich [Yuryevich Semen Alekseevich]. (1912). In *Russkii biograficheskii slovar' v 25 t.* / publ. by A. A. Polovtsov. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. Vol. 24, pp. 339–340.

Zherebtsov, N. A. (1896). *O sovremennoi politicheskoi i vnutrennei zhizni Rossii* [On the Contemporary Political and Internal Life of Russia]. In *Russkaya starina*. Vol. 86. Iss. 5, pp. 633–642.

The article was submitted on 17.04.2018